

В. А. Ковалев¹

АНТИНОМИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. МОДЕЛЬ АГОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПУТЬ ВЫХОДА ИЗ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В современном мире процесс принятия решений на высшем уровне международных отношений оказался неожиданно малоэффективным. Прогресс в развитии многостороннего международного сотрудничества в рамках всемирных международных организаций, прежде всего Организации Объединенных Наций, который казался неустойчивым в 1980–1990-х годах, сейчас заметно пробуксовывает. Ярким примером является статистика использования права вето в Совете Безопасности ООН. Это право, весьма часто применявшееся в эпоху идеологического противостояния (например, только за первые десять лет существования организации СССР применял право вето 79 раз) и значительно реже в период разрядки, в современной ООН снова имеет тенденцию к росту частоты применения. Например, СССР в 1970–1992 годы применил это право всего 9 раз, а Россия на современном этапе — 21 раз².

Этот пример достаточно ясно показывает, что в современном мире кризис классической модели либеральной демократии имеет место не только на национальном, но и на международном уровне. Явление актуально, несмотря на то что демократия в последние годы стала синонимом легитимности. Если попытаться осмыслить причины этого кризиса, можно обратиться к нескольким теоретическим моделям.

Первая — это критика демократической модели известным теоретиком права Карлом Шмиттом. Напомним, что, согласно его теории, сфера политического (в том числе международно-политического) — это область неразрешимых противоречий, вопросов, по которым невозможно прийти к консенсусу, поскольку «враг» (носитель иного мнения) представляется настолько чуждым, что попытки понять его грозят утратой идентичности³. Подобное восприятие демократии позволило Шмитту говорить о противоречии между потенциально возможным единым обществом, представление о котором лежит в либеральном дис-

курсе, и реально существующими тенденциями развития демократии. Исследователь утверждает: «Когда речь идет о равенстве, необходимо проводить различие между двумя совершенно разными идеями: либеральной и демократической. Либеральная концепция равенства утверждает, что каждый человек как личность заведомо равен любому другому человеку. Однако демократическая концепция нуждается в возможности проведения различия между теми, кто принадлежит к народу, и теми, кто к нему не принадлежит; необходимо, чтобы существовало соответствующее неравенство»⁴.

Таким образом, с точки зрения Шмитта, долговременное сохранение либеральной демократии невозможно, а противоречия между «своим» и «чужим» неизбежно ведут к конфликтам. Эти столкновения потенциально неразрешимы, и даже в случае решения текущего конфликта у противоречий останется тенденция к накоплению. Действительно, подобный подход хорошо характеризует эпоху идеологического противостояния второй половины XX века. Тем не менее прекращение идеологического соперничества должно было ослабить степень противоречий, а выбор демократии как объединяющего и легитимирующего режима должен был ввести дискуссию на международном уровне в сферу решаемого конфликта и диалога.

Однако если демократия на международном уровне и способна стать основой диалога, то возникает вопрос о форме ее применения. Вне всяких сомнений, идея, согласно которой правила, по которым действуют акторы на международной арене, должны ограничивать их действия только с их согласия, выглядит хорошо обоснованной. Она вписывается прежде всего в рамки набирающего популярность, в том числе и в нашей стране, республиканского (неоримского) подхода. Тем не менее даже такой классик этой концепции, как Филипп Петтит отмечал, что «в сегодняшнем мире каждое государство может ощутить негативные, прямые или косвенные, воздействия от того, что раньше бы сошло за безобидное действие другой стороны»⁵. Для Петтита единственное жизнеспособное решение в свете всех этих зависимостей и взаимозависимостей состоит в их контроле дискурсивным режимом, или, другими словами, в обсуждении их природы в рамках международных организаций, таких как ООН. «Только при посредстве международных дебатов, основанных на признании определенных общих оснований, государства могут надеяться определить, где они ущемляют свободу друг друга, а где естественным образом должны быть

¹ Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор 50 научных публикаций, в т. ч.: «Игра на престоле: ритуалы власти в Средние века и современная культура», «Реальная политика и реальность насилия в тексте „Парижской резни“ К. Марло», «Экономические, политические и правовые факторы конституционного кризиса в США в середине XIX века» (в соавт.), «„Мы наш, мы новый мир построим“: сравнительный анализ революционных конституций Мексики (1917), РСФСР (1918) и Венгрии (1919)», «Неоримская идеология как основа реформирования международного права в условиях глобального кризиса либеральной парадигмы», «Истина мифа власти. Континуитет и дисконтинуитет в аккламационных процессиях английских монархов конца XIV — начала XVII века» и др.

² Вето в Совете Безопасности // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/veto> (дата обращения: 20.03.2019).

³ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

⁴ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 2. С. 6–16.

⁵ Петтит Ф. Республиканизм: Теория свободы и государственного управления. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.

установлены границы этой свободы как отсутствия доминирования»¹.

Становится очевидным, что реализация функции ООН как источника публичной власти, уравнивающей частную власть национальных государств на международной арене, усложняется именно за счет противоречий между национальными государствами внутри самой организации.

Таким образом, обращение к неоримской методологии в понимании международных отношений возвращает нас к дискуссии о демократии на международном уровне и, прежде всего, к двум концепциям современной демократии — делиберативной и агрегативной.

В центре теории делиберативной демократии находится идея оправдания посредством обсуждения. Поскольку для обоснования нормы необходима настоящая дискуссия, следовательно, нужен политический порядок, основанный на реальном публичном диалоге между гражданами. Политическое решение должно быть основано на компетентном обсуждении спорных проблем, то есть на дискуссии, которая ведется в соответствии с коммуникативными принципами согласованного дискурса. Только тогда ее содержание может считаться рационально мотивированным. Нормы, которые не подтверждаются подобным образом, не могут быть обязательными для всех, а если они устанавливаются, то это не что иное, как простое порабощение и подчинение воле. То есть в идеале должна иметь место настоящая политическая дискуссия, которая ведет к рациональному соглашению по поводу норм.

Собственно, именно такое понимание демократичности международного политического процесса продемонстрировал полномочный представитель Российской Федерации в Совете Безопасности ООН Виталий Чуркин, заявивший следующее: «Право вето для постоянных членов — важнейший механизм, который заставляет работать над поиском консенсусных решений, и в огромном числе случаев это удается»².

Тем не менее одна из проблем делиберативной демократии — это невозможность объяснить, как современные плюралистические сообщества могут достичь согласия по поводу всего свода законов, по которым они живут. Один из основателей и наиболее ярких представителей этой теории Юрген Хабермас признает, что конвенция никогда не будет полной. В конце дискуссии всегда будет необходимо проголосовать, а это означает, что согласие так и не достигнуто³. Таким образом, мы приходим к отмеченному еще К. Шмиттом противоречию.

Делиберативной концепции противопоставляется концепция агрегативной демократии, согласно которой личные мнения и предпочтения понимаются как данность, а целью демократического процесса принятия решений является объединение индивидуальных

предпочтений в социальное решение через голосование. В рамках этой модели демократия понимается как механическая агрегация голосов или частных предпочтений в социальные решения или коллективные предпочтения. Представители этого подхода разделяют либерализм как концепцию блага и демократию как процедуру — причем они не всегда связаны друг с другом. В этом смысле агрегативная демократия восходит к концепции агонального либерализма Исаяи Берлина, в рамках которой либерализм понимается не как благо (хотя и может являться таковым в рамках данной культуры), а как процедурный принцип, основная функция которого состоит в оценке рисков и достижения компромисса в конфликтах ценностей, целей и интересов⁴.

Наиболее ярко концепции, позволяющие сочетать демократическую процедуру с наличием антагонизмов и невозможностью выработки полного компромисса, проявляются в работах политических философов постмарксистского направления — Э. Лакло и Ш. Муфф. Признавая факт антагонистичности политических отношений, эти исследователи тем не менее предложили концентрироваться «на типах практик, а не на формах приведения доводов»⁵.

Модель агонистической демократии принимает во внимание ценностное измерение конфликта, при котором невозможны изменения позиций сторон и отказ от ценностей группы ради блага общества в целом. Этот момент очень важен, поскольку подобное восприятие позволяет осмыслить политические конфликты с объективных позиций, характерных для конфликтологической мысли, и создать возможность для их урегулирования. При таком восприятии целью любого политического образования внутри общности становится уменьшение враждебности в социуме, создание некоторых способов взаимодействия между носителями различных убеждений, естественно склонных воспринимать друг друга как врагов. Агонистический плюрализм — это необходимый для агонистической модели демократии способ политического взаимодействия, цель которого заключается «в таком конструировании „их“, когда „они“ перестают считаться врагами, которых необходимо уничтожить, и становятся „соперниками“, то есть теми, с чьими идеями мы боремся, но в чьем праве отстаивать их мы не сомневаемся. Таково действительное значение либерально-демократической терпимости, предполагающей не попустительское отношение к идеям, против которых мы выступаем, или безразличие к точкам зрения, с которыми мы не согласны, а отношение к тем, кто их отстаивает, как к законным соперникам»⁶.

Использование подобного подхода позволяет преобразовать антагонизм политического конфликта (по К. Шмитту) в агонизм и таким образом снять не-

¹ *Pettit P. A Republican Law of Peoples // European Journal of Political Theory. 2010. № 9. С. 70–94.*

² Москва высказалась против отмены права вето постоянных членов СБ ООН // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/467211> (дата обращения: 20.03.2019).

³ *Habermas J. Popular sovereignty as procedure // Deliberative democracy: essays on reason and politics. Cambridge: MIT Press, 1997. С. 33–46.*

⁴ *Грановская О. Л. Делиберативная и агрегативная модели демократии и агональный либерализм И. Берлина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 126–135.*

⁵ *Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 180–197.*

⁶ *Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialistic strategy. L.: Verso, 2001.*

разрешимость политических противоречий. Вместо концентрации усилий на абстрактной и малореальной ликвидации всех конфликтов, агональная демократия предлагает признание конфликтов легитимной частью взаимоотношений акторов (в том числе на международной арене). При этом за счет примене-

ния неоримского подхода возможно заключение соглашения о правилах ведения состязания (агона) между конкурирующими идеологиями и, таким образом, выхода из тупика, в котором оказалось международное сотрудничество на уровне глобальных мировых институтов на данном этапе.